

Языковая система и ее развитие во времени и пространстве

Сборник научных статей к 80-летию профессора

Клавдии Васильевны Горшковой

Редкол.: Ремнева М. Л. (отв. ред.), Васеко Е. Ф., Галинская Е. А.,
Клобуков Е. В., Ревзина О. Г.; сост.: Галинская Е. А., Клобуков Е. В.
М.: Изд-во МГУ, 2001. 496 с.

М. В. Панов

Фонологические взгляды К. В. Горшковой

Среди научных работ К. В. Горшковой, пользующихся заслуженной известностью, ее фонологические труды для невнимательных читателей нередко остаются в тени. В этих заметках мне хотелось бы напомнить о них. Читатель, может быть, простит меня за то, что я не обременяю свою статью развесистой библиографией...

Слово об этих работах необходимо вставить в историческую раму.

Дело началось великим дерзанием И. А. Бодуэна де Куртенэ: в 1881 году он впервые ввел в науку понятие фонемы и дал глубокое толкование этого термина. Фонема, по Бодуэну де Куртенэ, это единица, которая служит для различения морфем (потом Р. И. Аванесов уточнил: морфов) и тем самым — слов. Фонему составляют позиционно чередующиеся звуки; различия между ними, которые определены позицией, незначимы. Позиционные чередования могут быть установлены при сопоставлении одного и того же морфа. Морф один и тот же, следовательно, мы бы ожидали, что в разных словах, в разных морфемных окружениях будет у него один и тот же звуковой состав; если же это не так, то следует искать причину звуковых чередований во влиянии позиции. Позиционные чередования не знают исключения: они одинаковы для всех слов языка (это требование позволяет отделить фонетические чередования от морфонологических). Таким образом, фонемы служат различителями, но «внутри себя», в ряду позиционно вызванных разновидностей, они неразличительны. Это — идеи Бодуэна 1881 года. Как бы ни были различны по звучанию составляющие фонему варианты, они — одно и то же, одна языковая единица.

Н. В. Крушевский в том же 1881 году, на полгода раньше Бодуэна, изложил очень близкие понятия о фонеме. Он тоже считает, что фонема — различитель значимых единиц, в ее состав входят позиционно чередующиеся звуки. Также выдвигается требование, чтобы они принадлежали одной морфеме (во-первых) и чтобы чередование не знало исключений (во-вторых). Но прибавлено и третье требование: одной фонеме могут принадлежать только звуки, которые антропофонически, то есть артикуляционно и акустически, подобны друг другу; иначе говоря, составляют один звуковой тип. Значит, в случае *дам* — *давай* корневые гласные принадлежат одной фонеме, а в случае *дом* — *дома* — разным, так как [о] и [а] принадлежат разным антропофоническим типам.

Н. В. Крушевский поступил плохо в двух отношениях. Во-первых, идею фонемы, ее главные определения и характеристики, он взял из лекций своего университетского учителя — Бодуэна де Куртенэ, до того, как сам Бодуэн обнародовал свои взгляды; но Крушевский ни слова не сказал, что эти взгляды принадлежат другому ученому и заимствованы Крушевским у его учителя. Потом Бодуэн де Куртенэ, в некрологе Крушевскому, горько жаловался, что Крушевский так его обидел — присвоил себе взгляды, принадлежащие «кому-то другому». Редкий случай, когда некролог используется для укоров покойному, но, видно, Бодуэну было очень больно, что его идеи у него похитили.

Во-вторых, Крушевский сильно ухудшил теорию Бодуэна, и об этом Бодуэн тоже с горечью пишет в некрологе. Бодуэн де Куртенэ фонему рассматривает как отношение: в формах *дом* — *дома*, *том* — *тома*, *сон* — *сонлив*, *ходит* — *ходьба* и т. д. Гласные [у] и [а] (безударное) объединены Бодуэном в одну фонему, потому что они находятся в одном отношении друг к другу. А вот [о] ударное и чередующееся с ним [а] безударное не могут быть различителями друг для друга, их объединяет общее отношение неразличительности. Одинаковое отношение между этими единицами, а не антропофоническое сходство важно для определения фонемы. Это — величайший сдвиг в истории языкознания. Лингвистика ранее рассматривала единицу языка как вещь, предмет, «штуку», замкнутую данность; теперь, в трудах Бодуэна де Куртенэ, Фортунатова, а в Западной Европе — Соссюра был совершен переход к изучению отношений; их совокупность и есть единицы языка. Так Бодуэн

и рассматривал фонему. Это не антропофоническая конкретная данность, не звуковой тип. Крушевский не освоил эту высоту.

От Н. В. Крушевского пошла особая тропа в фонологии — теория Л. В. Щербы. Она дала некоторые частные результаты — только косвенно связанные с исходными, идущими от Крушевского позициями. В конце концов эта теория показала свою бесплодность — в итоговой работе, в академической грамматике 1956 года.

Линия Бодуэна была продолжена, последовательно и плодотворно, в 30-х, 40-х, 50-х годах (и жива сейчас) трудами Р. И. Аванесова, В. Н. Сидорова, А. А. Реформатского, П. С. Кузнецова. В основу их фонологии положена констатация отношений, которые и образуют фонетическую систему. В равной степени внимание исследователей было привлечено к многообразию конкретностей (которые запечатлены на кимограммах, спектрограммах, осциллограммах и т. д.) и к ментальному снятию этих различий, к построению тождеств, воспроизводящих единство мира.

Это именно то, что сейчас называется московской теорией фонем. Она создана четырьмя замечательными фонологами, имена которых я назвал только что. Их всегда поддерживал А. М. Сухотин.

Одновременно развивалось другое фонологическое направление — пражская теория фонем. У «москвичей» фонема имеет конечной необходимой единицей звуковой сегмент, звук. Сегмент может быть расчленен на признаки, но это для московской теории необязательно; В. Н. Сидоров отрицал такую необходимость в «московской» фонологии.

«Пражцы» пошли другим путем. У них элементарная составляющая фонемы — это различительный признак, «мерисм». Исток и этой фонемной теории — у Бодуэна, но непосредственными создателями пражской фонологии были Н. С. Трубецкой и Р. О. Jakobson. У них никак не могло быть, чтобы в корне форм *дом* и *домов* была одна и та же фонема: у [o] и [a] мерисмы не одинаковые, и это исключает их фонемное отождествление.

В результате разных позиций у «москвичей» и «пражцев» понятия нейтрализации фонемных единиц, их варьирования, объемы, «вместительности» фонем получают разное толкование.

В 1956 году Р. И. Аванесов выступил с новой теорией: он сделал попытку объединить московскую и пражскую фонологическую линию. (По условиям времени попытка была замаскирована объявлением, что автор синтезирует московскую и ленинградскую точку зрения.)

Синтез проведен следующим образом. Введен новый термин — фонемный ряд. Это ряд позиционно чередующихся звуков; то, что в «московской» теории называлось фонемой. Ряд этот состоит из звуков, сегментов, которые можно расчленить на различительные признаки; это дань пражской теории.

Далее: в каждом фонемном ряду, в чреде разных звуков, надо найти объединяющие эти звуки дифференциальные, различительные признаки. Делается это, например, так. Взята ориентация на экающие произношение. То есть произносится: *без и[э]ти минут, т[э]нутъ*, так же: *расп[э]ватъ* (от *петь*, отлично от *расп[и]ватъ*, от *пить*), *дела, седьмой* — с предударным звуком типа [э]. Тогда в этой позиции могут быть звуки [э — и — у]. Среди них [э] — по артикуляции самый нижний. Значит, в словах *пять* — *без пяти*, *час* — *часы*, *тянут* — *тянутъ* гласные в корне объединяются такой характеристикой: гласный нижний (среди гласных данной позиции!), нелабиализованный. Этому будет рад каждый «москвич»: позиционно чередующиеся звуки объединены в определенную целостность. Правда, дорогой ценой: пришлось исходить из эканья, хотя господствующая современная норма в современном русском языке — икающая. С нею такая операция не удалась бы. (Как видим, и здесь сказались львиные когти Аванесова: ученый исходит не из безотносительной фактической данности, он преобразует

ее в отношении! Не гласный нижнего подъема, а гласный более открытый среди других гласных в той же позиции!)¹

Главная причина, которая вызвала неприятие новых взглядов Р. И. Аванесова некоторыми фонологами (в том числе — В. Н. Сидоровым), — другая, более глубокая. Неприемлемой была замена

понятия *фонема* как чисто позиционного толкования фонологических закономерностей понятием *фонемного ряда*, в котором разобщенность фактов не преодолена. И функциональное их тождество не схвачено. Само слово *ряд* предполагает физическую, конкретно-материальную разобщенность объекта исследования. Между тем классическая «московская» теория фонем стремится понять мир как единство, увидеть больше, чем показывают разобщенные факты. Она охватывает две стороны реальности: учитывает и материальное богатство мира, изучает это богатство со скрупулезной тщательностью — и видит, что «в механизме языка» (как любил говорить Бодуэн де Куртенэ) снимаются эти различия, разное понимается как тождественное, как нераздельно-целое².

В это же время О. С. Широков дал другую интерпретацию звукового строя русского языка. Он тоже стремился фонологически объединить Прагу и Москву. В качестве исходного понятия он взял «мерисм», различительный признак, как и «пражцы». Но ведут себя эти единицы в теории Широкова по-московски: фонологический признак «лабиализация» позиционно преобразуется; он равен фонетической лабиализации в ударном гласном (*дом*), но в безударной позиции, оставаясь фонологически тем же мерисмом, реализуется в звуковом конкретном устранении огубленности.

В эти же годы, богатые фонологическими исканиями, новое слово было сказано и К. В. Горшковой. Она в своих фонологических высказываниях (в печатных трудах, в лекциях, в беседах со студентами, аспирантами, учеными) предложила рассматривать фонему как парадигму; см., в частности, [Горшкова и др. 1985]. Да, применила грамматический термин в фонологии. Понятие «парадигма фонемы» многое поясняет и заставляет понять по-новому.

Во-первых, взят грамматический термин, тем самым перекинут мост между двумя разными областями языка. Парадигма, в ее тради-

¹ В беседах со мной Р. И. Аванесов убедительно раскрывал положительные стороны своей новой интерпретации фонологического строя русского языка, но не убедил меня полностью. Я пошел иным путем (1964): попытался не объединять две теории, а полностью разъединить их, последовательно развернуть их функциональные различия; построить две координированные картины, в совокупности характеризующие фонологический строй. Последователей не нашел.

² Каждая фонологическая работа «москвичей» вызывала вопли, что это идеализм.

На самом деле эта теория целиком остается в пределах лингвистической проблематики, допуская различные философские интерпретации.

ционном понимании, объединяет словоформы в такие ряды: *вода — водой — воде...; белый — белая — белыми...; пишу — пишу — писала...; пять — пятью — о пяти...* Это понятие используется в фонологических целях. Наше время — время перебрасывания мостов между разными объектами научного рассмотрения. Поэтому взгляды К. В. Горшковой — подлинно современный научный шаг.

Во-вторых, парадигма обычно рассматривается (при всей расшатанности употребления этого термина) как ряд позиционно распределенных единиц: *он привел... она пришла... они пришли... Или: он встречает сестру... дарит сестре... гордится сестрой... заботится о сестре* (сильное управление: падеж обусловлен глаголом).

А не противоречат ли этому факты употребления при глаголе нескольких различных падежей — *дарю сестре цветы...* (или *режет ножом пирог...*). При одном глаголе разные падежи, значит выбор не обусловлен однозначно глаголом, не вызван однозначно-позиционно?

Нет, здесь разные позиции: при сильном управлении лишь один падеж обязателен — *дарю сестре, режет пирог*. Это в позиции при глаголе. К этому сочетанию, как к определенной позиции, прибавлен еще другой падеж: он, входя в синтаксическое сочетание, требует, чтобы в сочетании уже было существительное сильноуправляемое. Он не в позиции «при глаголе», а в позиции «при глаголе с сильн-управляемым словом».

Итак, сравнение обусловленности форм в парадигме и звуков, составляющих фонему, обоснованно, «имеет резон».

В-третьих, выбор грамматической формы относится ко всем единицам данного класса, например ко всем существительным. Переведем на язык фонетики: позиционные чередования не знают исключений.

В-четвертых, обобщение, сделанное К. В. Горшковой, имеет общезыковое значение. Языку свойственно объединять в тождество единицы разного материального наполнения: разные звуки в фонему,

грамматические формы — в одно слово, хотя значения этих форм (например, падежные) лежат в разных областях.

Л и т е р а т у р а

Горшкова и др. 1985 — *Горшкова К. В., Мустейкис К. В., Тихонов А. Н.* Современный русский язык. Ч. I / Учебник для студентов педагогических институтов Литвы. Вильнюс, 1985.